

* * *

Слезой растекается снежинка.
Вздох тает в линиях тревожных губ.
Танцует память минуэт невинный.
И в бликах алой тайны тает звук.

Я - зритель.
Я завидую до дрожи
Минутам озаренной чистоты
На тех витках судьбы, где путь был сложен,
Но неожиданно звучало “мы”.

Что моему шальному сердцу надо?
(Стучится в окна - ночью, в двери - днем...)
Жест, взгляд и слово - так, не для парада,
А чтоб насквозь - “вином или огнем”.

Слеза снежинкой стать уже не сможет,
А только льдинкой на сквозном ветру.
Из пламени, рожденном страстью кожи,
Она войдет в немую высоту.

Я ставлю чашу с огненной душою,
Склонясь, к подножью высоты твоей.
Она была замерзшею слезою...
Чем станет в вихре нерожденных дней?

* * *

* * *

Да, алло! Я - Москва!
Как живешь, Воронеж?
По макушку в тетрадах, заботах?
И город в снегу?
Ну а горы?
Шанс летом не проворонишь?
Лечишь чем ностальгию по рюкзаку?

Да, алло! Я - Москва!
Как, Свердловск, поживаешь?
Ты к каким перевалам мечтаешь взлететь?
Из уральской руды коммунизм добываешь?
В перестройке бы
не разучиться нам петь...

Да, алло! Я - Москва!
Ленинград, ты ли это?
Все читаешь взапой о турбазе Варзоб?
Исторически хмыкнув душою поэта,
На шести перевалах открой горизонт!

Да, алло! Я - Москва!
Горький, ты меня слышишь?
Сладость встречи разделим с тобой на тропе.
Ветер крылья палаток ночами колышет.
И так тянет, так тянет нас всех
к высоте...

Горы, снег, перекааты речные,
Ветер ранний, ночное метанье огня,
И гитарные струны, и души родные,
И молчание звезд -
ностальгия моя -
горы...

* * *

* * *

Мы, кажется, сказали все друг другу?..
И в суете готовы, губы сжав,
теряясь вновь в друзьях, скользя по кругу,
пить с памятью своей на брудершафт?
Почудилось: тебя уносит ветер
чужих забот
 за вялый горизонт
сквозного межсезонья,
 снегом метя
твои пути
 и душу плавя в звон.
За сеткой умирающего снега
мне слышится дыханье тонких губ
и откровенье странного напева
твоих волос
 под нетерпеньем рук.
Не обо всем с тобою помолчали
в огне, зажженном столкновеньем душ...
Я без тебя
 не вижу синей дали.
Я - "День" Чюрлениса.
 Земная жажда.
 Сушь.

* * *

Но я не забываю Вас,
Предупреждения не слышу.
Весна - лучами в тайну глаз.
И слово синим небом дышит.

И аромат апрельских роз
Струится над житейской чашей.
Тончайшей вязью милых грез
Я оплетаю память вашу.

Весенний сон средь лепестков,
Наивных, трепетных и нежных.
Не посмотри на них небрежно -
Не замути души исток.

И нищенствуя, розы - Вам -
Так поклоняются богине!
Я душу дьяволу отдам,
Чтоб мир
 быстрее Вас покинуть...

* * *

* * *

Письмо получено. Конверт разорван.
Весенним откровеньем веют строки.
Мятежность разлилась по горизонту.
Но верить хочется, что мы

не одиноки.

Среди суетности земного круга
В одеждах стареньких сжигаем свечи,
С трудом нащупываем мы друг друга
И греем душу чем-то человеческим...
И, уместить стараясь в строчку будни,
Заботы долга, бытовые дразги,
Свой жребий почитаем слишком трудным,
На мелочах стоим и в пене вязнем.
Журнальные страницы манят в пропасть
Застойных лет самоуничтоженья...
Но, видно, суждено и нам на дно пасть
И ощутить позор и унижение.
Сломать. Настроить. Ловко швы замазать.
Зашить, но самому не уколоться...
Из перестроечной толкучки, грязи
Нас

к высоте святой

уносит Моцарт.

И, осененные порывом вдохновенья
И гением, мир плавающим в созвучья,
Мы жизнь... по-ленински дробим на звенья,
Среди равнин отыскиваем кручи...
А Моцарт, нежный Моцарт

топит в красках

И в трепете весеннего расцветья.
Всем хочется желать добра и ласки
И встречи с истиной

на этом свете.

А Моцарт, грустный Моцарт

растревожит

Глубины тайные, и станет зябко...
Вдруг душу музыка стреножит.
И я - беспомощно -

за

взгляд твой...

Меня уж нет. Я стала эхом, звуком,
Дыханьем неба и лучом скользящим.
Познав предел невыносимой муки,
Я -

из земли

ростком, весны просящим...

* * *

* * *

И снова тесно в доме,
И все уже сказал
Знакомым - незнакомым
И рвусь на перевал
От ласковой равнины,
От старого себя,
От жизни половины,
От суеты, вранья.
 И вспыхнет пламя душ неугомонных
 У Голубого озера с Зеленым,
 И грусть смешается с гитарным звоном
 У Голубого озера с Зеленым.
Рюкзак удвоит тяжесть,
К скале прижмет обрыв.
Профессия? - Неважно!
Чины? Заслуги? - Пшик!
Цена твоя - надежность
И преданность без слов:
Что на равнине сложно,
Легко у облаков.
 Ты выйдешь через горные заслоны
 Голодным, диким, переутомленным,
 Свободой, солнцем, ветром опьяненным
 К купели Голубой или Зеленой.
Иссохли губы в жажде,
Просвечен ты насквозь,
Но счастлив, если даже
Немного удалось:
Пройти и не сорваться,
Обиды не хранить
И душ бродяжьих братством,
Как честью, дорожить.
 Из Голубого озера с Зеленым
 Святую воду пить неутоленным.
 Мы в судьбах отражаемся, как горы
 И в Голубом и в озере Зеленом...

* * *

* * *

Томит жара. Никуда не спрятаться.
Глаза - немые - за стеклами темными.
Мелькают пестренькие платица.
Толпа накатывает на нас волнами.
Асфальт стал мягким. И мысли буйные
Под солнцем кажутся нам безгрешными.
И голос плещет живою струйкою -
Ладони

вновь подставляю бережно.

О, если б им испытать эти речи,
Раскрепощенной души коснуться
И, возродив в себе человечье,
Остановиться и оглянуться!..
Пусть будет так, как теперь, -
Иль хуже? Иль лучше? -
Видно, не в этом дело.
Кому-то

где-то

зачем-то нужно,

Чтобы душа вечно свечкой горела,
Чтоб вечно кто-то взывал о помощи,
Кто-то пылал на костре за идею,
Чтоб кто-то рвался из душевной полночи
И вопреки всему

свято верил.

Пусть череп трескается, распухнув
От невоплощенных дерзких мыслей...
В одеждах из тополиного пуха
Сгореть и нам - и ярко, и быстро.

* * *

Знобит. И лица расплываются.
И тянет в бесконечно дальнее.
На ниточке дождя качается
И выдуманное, и реальное.

Как звездочку, держу в ладони
Мгновенье встречи и расплаты
И на изящный плащ из боли
Воспоминаний шью заплаты:

Цветные блики чувств и мыслей,
Бег линий по изгибам тела
И ожиданье беспредельной
Тоски

за гранью этой жизни.

* * *

* * *

Я свой хребет закину на Гиссарский,
Ругая и себя, и свой рюкзак.
125 - цена за все мытарства,
И смысл жизни в шаге видеть зад...
 Любимый зад! И дырки, и заплатки,
 Носок в полоску, и башмак вибрам...
 Чтоб лечь пластом когда-нибудь в палатке,
 Я это ни за что не променям!

Щемящей красотою душу ранят
И бирюза озер, и водопад -
Как ни пытаюсь снять пейзаж на память,
Все входит в кадр надежный друга зад.
 Вот он мелькнул за дальним поворотом -
 Скольжу по склону к тропочке у ржи,
 Догнал! Ведь он остался вишню лопать...
 Я лег в траву,

но зад опять бежит...

Бабуля Дитрих темпы замедляет -
О твердый зад уныло морду тру.
Бабуля Дитрих лекции читает -
Глушцом родился - умненьким помру!..
 А завтра вновь на горке задыхаться,
 Ползти наверх до трех с полтиной тыщ.
 Смогу ли на дороженьке остаться,
 Которая в Москву или Париж?..

Нам плоские поляны непригодны
Для трудного походного жилья.
Мы вырубим кутамы, где угодно,
Чайку попьем, гитарами звеня,
 И милый зад согреет у кострища,
 Спев пару песен, ляжет рядом спать.
 Ну где подобный зад еще отыщешь?
 Его мне ни на что не променять!

* * *

* * *

Я задыхаюсь на равнине:
И лица, и глаза не те.
Где вы, друзья, что рядом были
На перевальной высоте?

Там вверх по снежному настилу,
Там вверх на скальную тропой,
Там ценят то, что через силу,
Что и внизу зовут душой.

Минск, Ленинград, Москва, Свердловск,
Воронеж, Горький и Архангельск -
Нас породнил узбекский плов,
Глоток воды таджикостанской.

В купели озера Святого,
В тени у высохшей арчи
Свои желанья, тихим словом
Отдав Аллаху, помолчим.

Мы в роднике омоем раны,
Полечим души у костра.
Хоть вы неласковые, Фаны,
Находок больше, чем утрат,

И позабыть смогу едва ли
О детской пуговке рассказ,
Кирюшин кофе на привале
И сонный Феликса анфас.

Опять наверх, встречать зарю,
Туда, где лишь орлы летают,
Дай альпминутку - посмотрю,
Кто жив, кто сдох, кто невменяем...

Вчера Памир, сегодня Фаны,
А ждут Байкал и Соловки -
И обещаьем на прощанье
Междугородние звонки...

* * *

* * *

Горы плечи свои подставляют.
Лижет след каменистую россыпь.
И тропа в облака убегает.
И до неба добраться непросто.

Посерела река от порогов.
Вечер душу прохладой ласкает.
И глазами таджикского бога
Звезды нашу судьбу наблюдают.

Прикоснешься ладонями к камню,
Перельешь в себя мудрость земную,
Перепашешь себя, переплавишь,
Выбирая дорогу крутую...

И подъем до зари будет снова,
И мучительный путь к перевалу,
Горизонты, и небо, и горы –
Здесь конец и здесь жизни начало.

* * *

Чап-чап-чап-чап - топоры, лопаты...
Наплевать на чистоту - не аристократы!
Меж палаток чернозем сапогами месим
И в палатках под дождем взращиваем плесень.

Захотелось в стройотряд - ох, прости мамаша!
Перед сном нас строят в ряд - днем, как танки, пашем.
Здесь за курицу наряд и с котлетой каша,
В туалете аромат хлорки и какашек...

Мальши поднимут вой - не найти покоя.
Вновь лопата и бетон - и не жди другое!
Даже в озере теперь мне не искупаться...
Сплю в штормовке, сапогах, чтоб не одеваться.

Мама, милая, прости недоумка-сына!
Буду дома суп варить, умываться с мылом,
Буду, может быть, стирать, честно мыть посуду...
Вышли мне ведро гвоздей и жратвы полпуда!

* * *

* * *

Вновь растворяюсь в музыке движений
И жадно пью неуловимый взгляд.
Природа, издеваясь, наважденьем
И бунтом крови мучает меня.

Смирив гордыню, ставит на колени,
Выплескивает из души стихи.
Я бегаю за миражом, за тенью,
Дрожу, едва коснувшись той руки...

И нет предела (счастью ли? несчастью?),
И выбор сделан, предрешен судьбой:
Забыв обеты, в апогее страсти
В костер, тобой зажженный,
- головой!..

* * *

Душа, опьяненная грустью,
Растает в желтеющих листьях.
Всевышний грехи мне отпустит
За строки безумные писем...

Лицо опущу в те колени,
Чтоб пламя свечи не увидеть,
У ног этих стать полутенью
И молча себя ненавидеть...

Был звук - нет, не мне (не беги же!).
Был жест - нет, чужое не трону...
Был взгляд - я склоняюсь все ниже
И молча снимаю корону...

Целую симфонию линий
Не мной возбужденного тела.
...Мечта на израненных крыльях
В осеннюю стынь улетела.

* * *

* * *

Все кажется чужим и недоступным,
Как горизонт в сиреновом разливе.
За кисеею безразличья утро,
И полусон - узор размытых линий.

Цветные пятна - радужны созвучья! -
В сознании окрасят дни и встречи.
Но тень твоя до бешенства измучит
И вечно длиться будет вялый вечер.

Вспоминанья плава на мгновенья,
Желания венком сплету терновым.
Не смея воспротивиться веленью,
Я подчиняюсь сказанному слову...

Где тот огонь, что душу мне согреет?
Где тот бальзам, что боль мою излечит?
Где этот добрый, щедрый человечек?..
Но
 лишь осенний ветер
 листья сеет...

* * *

Холодок осенней прозрачности
Льется в душу мою незрячую.
Листья строчками песен стелются,
Не звучат уже, но - надеются...

Белым инеем наваждения,
Моего к тебе нетерпения
На аллеях следы помечены,
Перепутаны, недоверчивы...

Нитью тонкою, хрупкой веткою
Обовью тебя незаметно я.
В синеве ночей, блеске инея
Промелькнет огневая линия:

Рыжий плеск безумного, странного,
Рыжий всполох желанья пьяного,
Рыжий стон твоей обнаженности
В ореоле моей влюбленности...

* * *